

УДК 327

А.В. Абраменко

Южный федеральный университет

г. Ростов-на-Дону, Россия

a.v.abramenko@list.ru

**РЕЧЕВЫЕ СТРАТЕГИИ КОНФЛИКТА
В АСИММЕТРИЧНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ
РОССИЙСКО-ГРУЗИНСКОГО КОНФЛИКТА 2008 Г.)**

**[*Abramenko A.V. Speech strategy of the conflict
in asymmetric political communication
(on materials of the Russian-Georgian conflict of 2008)*]**

The article considers the problem of constructing the political discourse of international relations through speech strategies of conflict. The phenomenon of asymmetric political communication, characteristic for modern world order, as political interaction of unequal political actors is investigated. The main speech strategy applied in political communication of asymmetric type such as strategy of self-presentation, discredit strategy, strategy of persuasion and strategy of a manipulation are studied. The use of these strategies in the political discourse of Georgian President M. N. Saakashvili during the Russian-Georgian conflict in 2008 is analyzed. The author come to the conclusion that the application of speech strategies of conflict allows political actors to reach a dominant position in the international communicative space, to get the support of the international community, to legitimize their political actions and, in certain cases, to win information warfare.

Key words: speech strategy of conflict, asymmetric political communication, international political discourse, communicative tactics, Russian-Georgian conflict.

«Россия атакует Грузию», «Российские военные самолеты обстреливают Грузию», «Грузия и Россия приближаются к тотальной войне» – такими заголовками пестрило большинство западных газет 9 августа 2008 года [21]. Только спустя несколько месяцев международная правозащитная организация Human Rights Watch обнародовала доклад, в котором Грузия была официально признана агрессором и инициатором Грузино-Осетинского конфликта, а введение российских войск полностью соответствующим нормам международного права. Однако в те первые пять дней конфликта вся международная общественность была убеждена в вероломности и неправомерности

действий России в отношении «маленькой» кавказской республики Грузия, всеми силами пытающейся отстоять свою независимость и территориальную целостность. Каким образом грузинской стороне удалось сформировать у международного сообщества столь неадекватную реальности картину происходящих событий, создать столь солидарное отношение к происходящему конфликту, и наконец, выиграть информационную войну с Россией? В данной статье мы позволим себе предположить, что успех Грузии в создании политического дискурса данного конфликта был связан с использованием определенных речевых стратегий, позволивших ей занять лидирующее положение в международном коммуникативном пространстве. При анализе реализации данных стратегий мы обратимся к выступлениям президента Грузии М. Саакашвили в период с мая по август 2008 года.

Современный международный политический дискурс является отражением сложной системы международной коммуникации, которая в большинстве случаев носит конфликтно-конфронтационный характер. Причиной этого служит не только сама сущность мировой политики как средства реализации национального интереса и защиты национальной безопасности, но и значительная разнородность субъектов международных отношений, вступающих в коммуникацию. Так, субъекты могут дифференцироваться по правовым, политическим, экономическим, идеологическим и другим критериям. Взаимодействие международных субъектов, имеющих разные «весовые категории», приводит к возникновению областей асимметричной политической коммуникации.

В отличие от традиционного, системно-кибернетического подхода [2, с. 39-51] к данному феномену мы предлагаем рассматривать асимметричную политическую коммуникацию шире, как символически опосредованное взаимодействие субъектов, обладающих определенной степенью несоразмерности (неравенства) в некоторых качественных характеристиках. Такая трактовка «асимметрии» позволяет нам преодолеть ограниченность информационной категории, приблизив, таким образом, данный теоретический конструкт к существующему разнообразию реальных коммуникативных практик.

С нашей точки зрения, асимметричная политическая коммуникация может быть представлена как отношения «двусторонней асимметрии». В таких отношениях один из субъектов коммуникации обладает ресурсно-силовой мощью и статусом, тогда как другой субъект характеризуется идеологиче-

ским и структурным преимуществом. В рамках такой асимметрии стороны обладают разными, несовпадающими потенциалами превосходства. Это приводит к тому, что в условиях конфликтно-конфронтационного характера международных отношений их коммуникативное пространство превращается в поле битвы Давида и Голиафа. Одновременно с преимуществами, которыми обладает сильная сторона, ей также присущи слабости, которые мешают ей оставаться неуязвимой. Именно они позволяют слабой стороне, используя правильные коммуникативные стратегии, эксплуатировать уязвимые стороны своего оппонента и добиваться, при наличии изначально меньших ресурсов, своего доминирования. Однако остается открытым вопрос, какие коммуникативные стратегии, и речевые стратегии, в частности, позволяют слабому актору установить коммуникативное преимущество?

Для начала уточним, что мы подразумеваем под коммуникативной (речевой) стратегией. Первенство в исследовании стратегической сферы коммуникации традиционно принадлежит лингвистике. Среди исследователей, обративших особое внимание на данные феномен, следует выделить Е.И. Шейгал, Е.В. Ключева, О.С. Иссерс, Н.Б. Руженцеву, О.Н. Паршина, Т.А. ван Дейк и других. В данной работе, мы, вслед за исследователем политического дискурса Н.Б. Руженцевой, будем понимать коммуникативную (речевую) стратегию как «основной путь, который должен привести к победе» [11, с. 27]. На наш взгляд, в данном лаконичном определении отражена основная интенция использования любой коммуникативной стратегии и ее разнообразных тактик-приемов – достижение доминирования в политическом дискурсе, в нашем случае, при отсутствии преимуществ в реальном пространстве политики.

Исследователи по-разному определяют стратегии, наиболее часто применяемые в политическом дискурсе [12, с. 124]. Отечественный лингвист Е.И. Шейгал в своей работе «Семиотика политического дискурса» предлагает следующие стратегии, характерные для политического языка: стратегия вуалирования – затуманивание нежелательной информации; стратегия мистификации – сокрытие истины, сознательное введение в заблуждение; стратегия деперсонализации, как снятие ответственности [13, с. 115]. Тогда как О.С. Иссерс предлагает классифицировать стратегии в первую очередь по их функциональному признаку, выделяя основные (семантические, когнитивные) и вспомогательные стратегии. Однако, по мнению О.С. Иссерс, «не требует специального исследо-

вания тот факт, что во многих случаях речевая активность людей направлена на то, чтобы заставить «другого» действовать в интересах говорящего» [6, с. 27]. В связи с чем особое внимание следует уделять изучению речевых стратегий подчинения. Голландский же исследователь Т.А. ван Дейк справедливо замечает, что в политическом дискурсе одновременно действуют и взаимодействуют друг с другом стратегии презентации, идеологического воздействия, ментальных и речевых действий [4, с. 124]. Основываясь на рассматриваемом нами материале и опираясь на существующие классификации стратегий, мы считаем целесообразным выделить следующие стратегии, наиболее характерные для ситуации асимметричной политической коммуникации: самопрезентации, дискредитации, удержания власти, манипуляции, убеждения.

Остановимся кратко на сущности каждой из стратегий. Одной из центральных стратегий, используемых субъектами асимметричной коммуникации, является стратегия самопрезентации. Она направлена на формирование положительного имиджа участника коммуникации, актуализацию доверия международной общественности и союзников-партнеров. Как отмечает Е.В. Кулинич, «в акте самовыражения самопрезентант демонстрирует свои личные и профессиональные качества, соотношение которых обусловлено конкретным жанром и целевой установкой» [8, с. 7]. В параллельной связке с самопрезентацией применяется стратегия дискредитации. По мнению В.О. Мулькеевой, она представляет собой «макроинтенцию речи, которая направлена на снижение положительного образа адресата, иными словами, состоит в подрыве доверия к кому-либо, умалении авторитета и значения собеседника, изменения мнения о нем, вызывании сомнения в его положительных качествах и т.д.» [9, с.80]. Другая распространенная стратегия – удержание власти, реализуется в двух формах: информационно-интерпретационной и формировании эмоционального настроения адресата. Обе эти формы ставят своей целью воздействие на адресата, с той лишь разницей, что в первом случае воздействию подвергается рациональная часть сознания, тогда как во втором эмоциональная. Апелляция к эмоциям является также составной частью стратегии манипулирования. Основой этой стратегии выступает «захват смыслового пространства коммуникации с тем, чтобы навязать партнеру свою коммуникативную стратегию», а также «ориентация на свои собственные интересы при пренебрежении интересами партнера и его позиций» [3, с.77]. И

наконец, заключительной, но не менее распространенной выступает стратегия убеждения. Цель данной стратегии, по мнению Д.А. Бокмельдера, состоит в оказании влияния на принятие решений международным сообществом [1, с. 15-16], а также, как отмечает О.Н. Паршина, в побуждении к совершению определенных действий [10, с. 43].

Теперь обратимся непосредственно к анализу использования данных стратегий Грузией в Осетино-Грузинском конфликте, и одновременно развернувшимся противоборстве в информационном пространстве с Россией. Для начала отметим, что при создании политического дискурса конфликта перед грузинской стороной стояли две основные задачи, успешное осуществление которых целиком и полностью зависало от правильного выбора коммуникативных и речевых стратегий. А именно: скрыть факт своего агрессорского поведения и сформировать представления о России как о виновнике сложившейся ситуации. Обе эти задачи предполагали развертывание в коммуникативном пространстве иллюзии реального политического противостояния между Грузией и Россией, то есть навязывание России роли противника в несуществующем в формате «реальной политики» противоборстве. Как показывает наше исследование, данные действия с грузинской стороны имели место задолго до «наземной» эскалации конфликта.

Приблизительно с середины мая 2008 года М. Саакашвили начинает использовать речевое воздействие на международное сообщество с целью формирования выгодного для него образа России. Первой в ход идет стратегия дискредитации. Используя тактику обвинения, грузинский президент представляет действия российской стороны как опасные для всего мирового сообщества: «Это самая агрессивная попытка, после окончания холодной войны, пересмотра европейского и мирового порядка» [16]. Применение провоцирующей дискредитации М. Саакашвили направлено в первую очередь на эмоциональную сферу (открытое обвинение и атака), но затрагивает и обращение к социальным установкам (подрыв репутации), а также к представлениям о мире (негативное прогнозирование). Следующее высказывание грузинского президента: «Нахождение иностранного незаконного контингента (в Абхазии), перегрузка туда оружия, попытка взорвать ситуацию не будут разделены и проглочены международным сообществом», включает в себя сразу несколько из заявленных нами стратегий. Здесь мы наблюдаем первое при-

менение стратегии самопрезентации и ее тактики: отождествление (Грузия вместе с международным сообществом) и солидаризация (Грузия и международное сообщество не одобрит действия России). Еще более ярко представленные тактики проявляют себя в таком высказывании: «В сложившейся ситуации Грузия предпринимает конкретные юридические и политические шаги, координирует их с нашими друзьями и будут серьезная поддержка и отклики». Использование положительной и отрицательной лексики для противопоставления Мы-Они («друзья», «поддержка», «отклик» в отношении Грузии, и «оружие, взорвать», «война», «агрессия» в отношении России) еще больше усиливает эффект от провокационно-дискредитирующих высказываний. Несколько днями позже МИД Грузии начинает использование стратегии «удержание власти». Речевое воздействие начинается с информационно-интерпретационной стратегии (тактика апеллирования к авторитету): «Грузия не осуществляла никакой концентрации вооруженных сил у конфликтных регионов, и об этом свидетельствует доклад Миссии наблюдателей ООН от 21 апреля». Чуть позже присоединяется и стратегия формирования эмоционального настроения, использование воодушевленных фраз и выражений из лексики возвышенного стиля: «Цель нашей политики – спасение абхазского этноса» [17]. Затем, в середине июня, М. Саакашвили переходит к применению стратегии манипуляции. Данная стратегия является менее агрессивной, что играет существенную роль в условиях предстоящих переговоров с российским президентом Д.А. Медведевым.

Использование стратегии манипуляции позволяет грузинской стороне сохранить свое коммуникативное преимущество. М. Саакашвили в своих высказываниях по поводу предстоящих событий активно прибегает к таким тактикам, как: надевание маски – ситуация переводится в другую плоскость, в нашем случае в дружеское, кооперативное общение («Выход из положения мы должны найти вместе с Российской Федерацией») [18]; переакцентуация – выдвижение на первый план не вопрос спорных территорий, а соблюдение правовых норм и добрососедских отношений («Россия должна уважать наш суверенитет, целостность наших границ и международное право»). Однако даже при таких нейтральных высказываниях, сохраняется отрицательная риторика. «Я не жду чуда от этой встречи» – заявляет М. Саакашвили, и тем самым скрыто дискредитирует российскую сторону. К концу месяца все более

широкое распространение тактика трансформации ситуации: «В эти дни и недели конфликт уже вышел из замороженного состояния, и то, что происходит в Абхазии, с правовой точки зрения можно оценить как аннексию» [19]. Грузинский президент представляет негативный вариант развития событий как единственно возможный, усиливая драматичность происходящего лексемами «аннексия», «военная интервенция». Также начинает задействоваться стратегия убеждения, внесение эмоциональности достигается за счет лексики с позитивной коннотацией. «Пусть ни у кого не будет никаких иллюзий. У нас есть мирный план, и в соответствии с ним мы предложили создание в Абхазии свободной экономической зоны. Никакого раздела не будет. Каждый квадратный сантиметр этой земли принадлежит грузинскому государству, и никто не собирается уступать ни одного сантиметра» [20] – заявляет М. Саакашвили. В этом примере отчетливо видна связь стратегии манипуляции со стратегией дискредитации и самопрезентации: М. Саакашвили критикует российскую сторону и воздействует на аудиторию, формируя ее представление о России, одновременно создавая положительный имидж Грузии в развивающемся противоборстве.

В итоге, заблаговременно задействовав разнообразные речевые стратегии, к непосредственному началу боевых действий грузинской стороне удалось добиться не только коммуникативного преимущества в освещении и формировании политического дискурса конфликта, но и создать устойчивый негативный образ России в глазах международного сообщества. При таких условиях наземная военная операция Грузии не могла рассматриваться иначе как ответ на агрессивное поведение сопредельного государства. В освещении непосредственных боевых действий Грузия также умело использовала рассмотренные нами стратегии. Наиболее часто употребляемой оказывается диада дискредитация – самопрезентация: «Мы находимся в постоянном контакте с руководством российских миротворцев... оно заявило нам, что потеряло контроль над действиями сепаратистов» – «Грузия в одностороннем порядке временно прекращает ответный огонь в регионе» [14]. Прямому провокационно-дискредитирующему воздействию подвергается эмоциональная сфера индивидом, задействуется маскировочная тактика (создания имиджа): «Грузия простит все преступления во имя мира и начала мирных переговоров» [14]. По мере эскалации конфликта стратегия самопрезентации сменяет свои ориентиры: вместо

создания положительного имиджа грузинская сторона переходит к формированию образа «жертвы». Использование лексем с негативной коннотацией («агрессия», «угроза», «война», «бомбардировки», «огонь» [15]) повышает эмоциональность и конфликтный потенциал выступлений М. Саакашвили. Мы намеренно исключили из нашего рассмотрения высказывания, носящие заведомо ложный характер, хотя необходимо отметить, что в условиях коммуникативного доминирования именно они сыграли одну из существенных ролей в формировании образа России как «агрессора» в конфликте.

Таким образом, современная международная политическая коммуникация в большинстве своем представляет собой коммуникацию асимметричную, в которой во взаимодействие вступают неравные (несоизмеримые) в качественном отношении акторы. Такая ситуация заставляет каждого из них использовать определенные речевые стратегии, с одной стороны, чтобы удержать свое преимущество, с другой стороны, чтобы преодолеть имеющийся разрыв. На основе анализа речевого материала выступлений грузинского президента М. Саакашвили в период информационной войны с Россией в 2008 году нами был сделан вывод, что применение таких стратегий как, самопрезентация, дискредитация, удержание власти, манипуляция и убеждение позволяет не только создать коммуникативное доминирование в формировании политического дискурса, но и выиграть информационную войну.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бокмельдер Д.А.* Стратегии убеждения в политике: анализ дискурса на материале современного английского языка. Дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2000.
2. *Грачев М.Н.* Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития: Монография. М.: Прометей, 2004. 328 с.
3. *Гулакова И.И.* Коммуникативные стратегии и тактики речевого поведения в конфликтной ситуации общения. Дис. ... канд. филол. наук. Орловский Государственный Университет. Орел, 2004.
4. *Дейк Т.А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989.

5. *Иванова Ю.М.* Стратегии речевого воздействия в жанре предвыборных теледебатов: Дис. ... канд. филол. наук/ Волгоградский Государственный Университет, 2003.
6. *Иссерс О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: КомКнига, 2006.
7. *Клюев Е.В.* Речевая коммуникация. М., 1998.
8. *Кулинич Е.В.* Специфика самопрезентации как коммуникативного явления // Вестник Томского Государственного Университета. Литературоведение и языкознание. № 299(1). Июнь, 2007.
9. *Мулькеева В.О.* Речевые стратегии конфликта и факторы, влияющие на их выбор: Дис. ... канд. филол. наук. Российский государственный университет им. А.И. Герцена. СПб., 2005.
10. *Паршина О.Н.* Российская политическая речь: Теория и практика. М.: Изд-во ЛКИ, 2007.
11. *Руженцева Н.Б.* Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе: монография. Екатеринбург: Знание, 2004.
12. *Тунникова В.А., Карпова Е.М.* Методика описания лингвокультурных стратегий коммуникации // Гуманитарные и социальные науки. 2013, № 3.
13. *Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса. Волгоград: Перемена, 2000.
14. Грузия объявила о временном прекращении огня. [Электронный ресурс] URL.: <http://top.rbc.ru/society/07/08/2008/216633.shtml>
15. М.Саакашвили: Россия начала военное вторжение в Грузию. [Электронный ресурс] URL.: <http://top.rbc.ru/politics/09/08/2008/218013.shtml>
16. М.Саакашвили обвинил РФ в пересмотре мирового порядка. [Электронный ресурс] URL.: <http://top.rbc.ru/politics/13/05/2008/165898.shtml>
17. МИД Грузии обвинил Россию в нагнетании обстановки в Абхазии. [Электронный ресурс] URL.: <http://top.rbc.ru/politics/22/05/2008/169874.shtml>
18. М.Саакашвили не ждет чуда от встречи с Д.Медведевым. [Электронный ресурс] URL.: <http://top.rbc.ru/politics/06/06/2008/179193.shtml>
19. М.Саакашвили надеется, что Россия пришла в Абхазию на время. [Электронный ресурс] URL.: <http://top.rbc.ru/politics/10/06/2008/181394.shtml>

20. М. Саакашвили: Абхазию – не отдадим! [Электронный ресурс] URL.: <http://top.rbc.ru/politics/27/06/2008/191814.shtml>
21. Russian warplanes target Georgia. [Электронный ресурс] URL.: <http://edition.cnn.com/2008/WORLD/europe/08/09/georgia.ossetia/>

REFERENCES

1. *Bokmelder D.A.* Strategies for persuasion in politics: discourse analysis on the material of modern English. Dis. ... PhD. Philology. Sciences. Irkutsk, 2000. 210 p.
2. *Grachev M.N.* Political communication: theoretic conceptions, models, vector development: Monograph. M.: Prometej, 2004. 328 p.
3. *Gulakova I.I.* Communicative strategies and tactics of verbal behavior in a conflict situation of communication. Dis. ... PhD. Philology sciences. Orel State University. Orel, 2004. 155 p.
4. *Dijk T.A. van.* Language. Cognition. Communication. M.: Progress, 1989. 312 p.
5. *Ivanova Y.M.* Strategies speech influence in the genre of TV debate: Dis. ... PhD. Philology sciences. Volgograd State University, 2003. 139 s.
6. *Issers O.S.* Communication strategies and tactics of Russian speech. M.: KomKniga, 2006. – 288 p.
7. *Kliuev E.V.* Speech Communication. M.: PRIOR, 1998. 224 p.
8. *Kulinich E.V.* Specificity of self-presentation as a communicative phenomenon // Bulletin of the Tomsk State University. Literature and Linguistics. Number 299 (1) June, 2007.
9. *Mulkeeva V.O.* Speech strategies of conflict and the factors influencing their choice: Dis. ... PhD. Philology sciences. A.I. Herzen State University of Russia. SPb.: 2005. 193 p.
10. *Parshina O.N.* Russian political speech: Theory and Practice. M.: Publishing House of the LCI, 2007.
11. *Ruzhentseva N.B.* Discrediting tactics and techniques in Russian political discourse: monograph. Ekaterinburg: Knowledge, 2004.

12. *Tunnikova V.A., Karpov E.M.* Technique description linguocultural communication strategies // Humanities and Social Sciences. 2013. № 3.
13. *Sheigal E.L.* Semiotics of political discourse. Volgograd: Classroom, 2000. 386 p.
14. Georgia has announced a temporary ceasefire. URL.: <http://top.rbc.ru/society/07/08/2008/216633.shtml> (Accessed: 20.05.2014)
15. M. Saakashvili: Russia launched a military invasion of Georgia. URL.: <http://top.rbc.ru/politics/09/08/2008/218013.shtml> (Accessed: 20.05.2014)
16. M. Saakashvili accused Russia in the revision of the world order. URL.: <http://top.rbc.ru/politics/13/05/2008/165898.shtml> (Accessed: 20.05.2014)
17. The Georgian Foreign Ministry accused Russia of aggravating the situation in Abkhazia. URL .: <http://top.rbc.ru/politics/22/05/2008/169874.shtml> (Accessed: 20.05.2014)
18. M. Saakashvili does not expect a miracle from a meeting with Medvedev. URL.: <http://top.rbc.ru/politics/06/06/2008/179193.shtml> (Accessed: 20.05.2014)
19. M. Saakashvili hopes that Russia came to Abkhazia on time. URL.: <http://top.rbc.ru/politics/10/06/2008/181394.shtml> (Accessed: 20.05.2014)
20. M. Saakashvili: Abkhazia – do not give up! URL.: <http://top.rbc.ru/politics/27/06/2008/191814.shtml> (Accessed: 20.05.2014)
21. Russian warplanes target Georgia. URL.: <http://edition.cnn.com/2008/WORLD/europe/08/09/georgia.ossetia/> (Accessed: 20.05.2014)

27 января 2015 г.